

ИСТОРИЯ НАУКИ

НЕКОТОРЫЕ ФАКТЫ БИОГРАФИИ Л. Г. РАМЕНСКОГО (30-Е ГОДЫ XX ВЕКА)

SOME FACTS OF THE L. G. RAMENSKY BIOGRAPHY (THE 30TH YEARS OF THE XX CENTURY)

© В. Б. Голуб
V. B. GOLUB

Институт экологии Волжского бассейна РАН. 445003, г. Тольятти, ул. Комзина, 10.
E-mail: vbgolub2000@mail.ru

Настоящая статья является продолжением подборки материалов к биографии выдающегося российского ученого Леонтия Григорьевича Раменского (Голуб, Николайчук, 2012; Голуб, 2013а, б). Изложены некоторые сведения о жизни и деятельности Л. Г. Раменского в условиях тоталитарного режима в Советском Союзе в 30-х годах XX в.

Ключевые слова: *Л. Г. Раменский, биография, Институт кормов, история науки.*

Key words: *L. G. Ramensky, biography, Institute of forages, science history.*

В мае 1928 г. Л. Г. Раменский переехал из Воронежа в Подмоскowie, в пос. Качалкино, где в Государственном луговом институте¹ занял пост заведующего Отделом луговедения — одного из основных подразделений этого научного учреждения. Л. Г. Раменский был уже известным фитоденологом-теоретиком, обратившим на себя внимание оригинальными публикациями и яркими выступлениями на совещаниях геоботаников и луговедов. В большей части своих работ Л. Г. опирался на опыт, полученный им при изучении се-

нокосов и пастбищ, поэтому директор института, А. М. Дмитриев, давно следивший за деятельностью этого ученого, стал поддерживать его еще в то время, когда тот работал в Воронежской обл. Так, в 1926 г. он заключил договор на 4 года с Л. Г. и его женой В. М. Флоровой на составление определителя растений Среднерусской равнины по вегетативным признакам.²

По воспоминаниям А. Р. Чепиковой,³ молодежь института горячо приветствовала приглашение на руководящую работу нового сотрудника. Была

¹ Название этого института неоднократно изменялось: в 1922–1929 гг. — Государственный луговой институт (ГЛИ) (в 1939 г. присвоено имя В. Р. Вильямса), в 1929 г. — Институт луговой и болотной культуры, в 1930 г. — Институт лугов и пастбищ, в 1930–1937 гг. — Всесоюзный институт кормов, в 1937–1992 гг. — Всесоюзный научно-исследовательский институт кормов (ВНИИ кормов). С 1992 г. по настоящее время — Государственное научное учреждение Всероссийский научно-исследовательский институт кормов. Еще чаще институт переходил из одного ведомства в другое. Таковыми являлись: Отдел водного хозяйства и мелиорации Управления землеустройства и мелиорации Наркомзема РСФСР (1922–1923 гг.), Опытный отдел Управления сельского хозяйства Наркомзема РСФСР (1923–1929 гг.), Объединенный государственный институт коренных земельных улучшений при Наркомземе РСФСР (1929 г.), Государственный институт коренных земельных улучшений Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. Ленина (ВАСХНИЛ) Наркомзема СССР (1929–1930 гг.), ВАСХНИЛ Наркомзема СССР (1930–1934 гг.), Главное управление животноводства Наркомзема СССР (1934–1937 гг.), Наркомзем СССР (1938–1946 гг.), Управление научно-исследовательских учреждений Министерства земледелия СССР (1946–1947 гг.), Главное управления животноводства Минсельхоза СССР (1947–1954 гг.), ВАСХНИЛ Минсельхоза СССР (1954–1961 гг.), Управление науки, пропаганды и внедрения передового опыта Минсельхоза СССР (1961–1965 гг.), Главное управление животноводства Минсельхоза СССР (1965–1986 гг.), ВАСХНИЛ Госагропрома СССР (1986–1989 гг.), ВАСХНИЛ Государственной комиссии Совета Министров СССР по продовольствию и закупкам (1989–1991 гг.), ВАСХНИЛ Министерства сельского хозяйства и продовольствия СССР (1991–1992 гг.), Россельхозакадемия (1992–2012 гг.). (<http://libinfo.org/index/index.php?id=6720>). С 2013 г. институт подчинен Федеральному агентству научных организаций.

² Договор хранится в музее ВНИИ кормов.

³ Анастасия Романовна Чепикова работала в Институте кормов с 1926 г. по 1965 г. Ее воспоминания хранятся в музее ВНИИ кормов.

организована радостная и немного шутливая кампания — распространение открыток с портретом Л. Г. и с надписью крупным шрифтом «Даешь Раменского!». Она же пишет, что все были приятно удивлены внешним обликом Л. Г. «Он был очень красив! Всегда внимательный и сосредоточенный взгляд, очень серьезное, почти всегда задумчивое выражение лица. Он был очень высокого роста, худощав и строен. Он был совершенно оригинально одет, носил широкополую коричневую шляпу и всем своим внешним видом напоминал вдохновенного художника, артиста или поэта».

Л. Г. с женой и тремя детьми поселили в здании, находящемся рядом с главным корпусом института (рис. 1), где на первом этаже им выделили одну комнату, в которой его семья прожила многие годы.

Луговой институт занимался широким кругом вопросов, касающихся обеспечения сельскохозяйственных животных кормами. Поскольку подавляющую часть этих кормов получали в те годы на естественных сенокосах и пастбищах, то исследования природных кормовых угодий были приоритетными.

«Директору Института кормов от Л. Раменского.

В дополнение к предыдущему письму извещаю, что нахожусь в районе Джизака, инструктируя партию Ш. М. Агабабяна и М. А. Касименко. Сотрудница туркменской экспедиции И. К.⁷ Т. Ф. Пояркова одновременно выехала в пески р-на Кенимех для инструктажа партии К. Д. Муравлянского. 3-го июня вернусь в Ташкент для участия в организуемом там совещании относительно научного обслуживания кормового вопроса Ср. Азии и организации Ср. Аз. филиала И. К.; 6-го июня выеду в район Актюбинска для инструктажа партии Е. М. Родионовой».

Л. Г. нужны были помощники, и он добился устройства в Институт кормов своих учеников и сотрудников, трудившихся ранее с ним на Павловской сельскохозяйственной станции в Воронежской обл. Это были С. В. Попов, И. А. Цаценкин, супруги В. Ю. и Е. И. Войтонис. Сохранилась фотография, сделанная в первые годы работы Л. Г. в Институте кормов (рис. 2).

Кроме геоботанических исследований, Л. Г. планировал создать в своем отделе «ботаническую лабораторию», основным направлением которой являлось бы изучение флоры сенокосов и пастбищ Советского Союза. С письмами, в которых содержится просьба помочь найти кандидатуру на должность заведующего этой лабораторией, Л. Г. в октябре 1930 г. обращается к своему учителю академику В. Л. Комарову⁸ и другу В. П. Савичу — ученому секретарю Главного ботанического сада РСФСР в Ленинграде.⁹

Несомненно, что переход в институт, занимавшийся исследованиями, охватывающими территорию всего Союза, первоначально радовал Л. Г. Но довольно быстро стали сказываться негативные стороны нового места работы. Во-первых, наука

Работая в Воронежской обл., Л. Г. имел дело преимущественно с кормовыми угодьями Центрально-Черноземной области. На новом месте ареал изучения естественных сенокосов и пастбищ значительно расширился. Уже летом 1928 г. он принимал участие в экспедиции в долине Нижней Волги. По ее результатам был подготовлен обзор лугов этого региона, оставшийся неопубликованным (Раменский, 1930). Под его руководством в этом же году были проведены исследования сенокосов и пастбищ на берегах рек Дон, Десна, Днепр. В 1929 г. Луговой институт заключил соглашение с народным комиссариатом земледелия Туркменской ССР об изучении кормовых угодий республики силами трех экспедиционных геоботанических отрядов в течение 5 лет.⁴ В 1930 г. он же принял на себя обязательство по обследованию естественных кормовых угодий, прилегающих к Туркестано-Сибирской железной дороге.⁵ В 1931 г. были начаты исследования пастбищ в Узбекской ССР. Л. Г. находился в постоянных разъездах, координируя все эти работы и руководя ими. Вот краткий отрывок из его письма от 25 мая 1931 г., иллюстрирующий интенсивность его организационной деятельности.⁶

в Институте кормов имела прикладной характер, а Л. Г. был склонен к разработкам теоретических вопросов. Во-вторых, если, работая в Воронежской обл., Л. Г. сам ставил перед собой задачи, то теперь ему чаще приходилось выполнять задания, которые поручало начальство. Появились неприятности и совсем иного рода и гораздо более серьезные.

В стране нагнеталась истерия борьбы с «чуждыми элементами», которая выразилась в так называемых «чистках». Начались они в партийных организациях, а затем распространились на беспартийных служащих советских учреждений. Инструкция наркомата рабоче-крестьянской инспекции делила всех «вычищенных» из советского аппарата на 3 категории. Вычищенные «по первой категории» лишались всех прав на пособие, пенсию, работу, выселялись из квартир. «Вторая категория» давала возможность получить работу в учреждениях иного типа или в другой местности. «Третью категорию» понижали в должности. Основания для «чистки» были крайне широки и расплывчаты (чистили «от элементов разложившихся, извращающих советские законы, срачивающихся

⁴ Основы перспективного плана работ экспедиции ГЛИ по изучению кормовой площади ТССР на 1929–1933 гг. включительно // РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 32. Оп. 1. Ед. хр. 157.

⁵ Л. Г. Раменский. 1930. Задачи исследования кормовой площади районов, тяготеющих к Турксиб ж. д. // Там же.

⁶ РГАЭ. Ф. 32. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 174–178.

⁷ Здесь и далее в рукописях Л. Г. Раменского: И. К. — Институт кормов.

⁸ Письмо хранится в личном архиве академика В. Л. Комарова. (Архив РАН. Ф. 277. Оп. 4. Ед. хр. 1230. Л. 25).

⁹ Письмо хранится в личном архиве В. П. Савича. (Архив БИН. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 20).

Рис. 1. Дом, в котором поселилась семья Л. Г. Раменского в 1928 г. в пос. Качалкино.
Помещения в центральной выступающей части здания на первом этаже принадлежали семье Раменских.
Фото Н. Ф. Пастушенко. Май 2014 г.

Fig. 1. The house in the Kachalkino village where L. G. Ramensky's family settled in 1928.
Apartment in the central protruding part of the building on the ground-floor belonged to the family Ramensky.
Photo by N. F. Pastushenko. May, 2014.

Рис. 2. Л. Г. Раменский и его сотрудники в Луговом институте.

Крайний слева стоит Л. Г. Раменский, рядом — С. В. Попов, крайний справа — Л. Н. Соболев; в центре сидит В. М. Флорова. Остальные неизвестны. Фотография 1929–1930 гг. из личного архива Т. И. Лесницкой (Цаценкиной).

L. G. Ramensky and his employees at the Meadow Institute.

Leftmost in the second row is L. G. Ramensky, next to him is S. V. Popov; rightmost — L. N. Sobolev; V. M. Florova sits in the center. Others are unknown. Photo made in 1929–1930. (Family archive of T. T. Lesnitskaya (Tsatsenkina)).

с кулаком и нэпманом ..., от растратчиков, взяточников, саботажников, вредителей, лентяев ...»¹⁰

Попал под эти чистки и Л. Г. Раменский. Об этом событии рассказывает Н. С. Конюшков.¹¹

«Первое мое воспоминание о Леонтии Григорьевиче относится к январю 1931 г. Для нас, работников Института кормов, это время было очень тяжелым и малоприятным. Начиная с 1930 г. в стране проходила кампания “чистка совпарата”. Такая чистка аппарата института проходила в январе 1931 г. и была особенно тщательной и скрупулезной, учитывая некоторые сложные обстоятельства, имевшие место в институте в то время. В июле 1930 г. был арестован и находился под следствием директор института Андрей Михайлович Дмитриев. В конце 1931 г. он был реабилитирован и освобожден. Но в январе 1931 г., когда проводилась чистка аппарата института, он был еще под следствием, и это, конечно, сказывалось на характере чистки.

Для заведующих отделами и основных сотрудников института чистка проходила в 2 этапа — сначала с ними проводилась беседа непосредственно в комиссии, а затем на общем собрании рабочих, служащих, научных работников института. На собрание приходило и большинство членов их семей. Общее собрание проходило в клубе, комиссия размещалась на сцене.

Леонтий Григорьевич, когда до него дошла очередь, не пошел на сцену, а стал ходить вдоль сцены, он любил рассказывать в движении, слегка наклонившись вперед и заложив руки за спину. Пройдясь раза два вдоль сцены, он повернулся вполборота к зрителям и сказал: “Товарищи, вы видите перед собой человека — бывшего миллионера”. Зал так и ахнул. А Леонтий Григорьевич, видя всеобщее изумление, повторил: “Да, да — миллионера. У меня до революции было около миллиона рублей, которые лежали в Государственном банке. Я не знал, что с этими деньгами делать. На себя я тратил очень мало, какие-то гроши, и очень небольшие суммы расходовал также на содержание опорного лугового пункта в Воронежской области и все. И я был очень рад, когда Октябрьская Революция освободила меня от этих денег”. Я не помню, какое решение вынесла комиссия, но Л. Г. Раменский остался сотрудником института».

Спустя несколько дней после «чистки» 22 января 1931 г. Л. Г. пишет большую служебную записку директору института.¹² Сначала в ней идет речь о его видении исследований, которые должны развиваться в институте. Но явно, что главная цель ее подачи была другая: пройдя унижительную кампанию «чистки», Л. Г. решил вытребовать у адми-

нистрации института определенные льготы. Они сводились к снижению у него нагрузки по прикладным луговодческим направлениям и увеличению доли методических и теоретических исследований, к которым он тяготел. Эти требования были сформулированы в заключительной части записки, которую приводим ниже.

«По личному вопросу:

1. Мое дальнейшее пребывание в И. К. уместно в том случае, если дирекция института искренно считает это желательным и доверяет мне как ответственному научному работнику. В противном случае — я благодарю за снисходительную резолюцию по чистке и уходу в другое учреждение.

2. Помимо ответственности перед И. К. у меня еще бóльшая и категорическая ответственность перед Союзом в международном масштабе — за развитие методологических работ, в которых меня никто не может заменить, и будущее которых — велико. Столь же категоричен мой долг в отношении руководимых мною крупных работ — Туркмения, Дон, Волга, Днепр, ЦЧ обл.

3. Если Институт хочет использовать меня в полной мере, в первую очередь как методолога, научного руководителя, то я принимаю соответствующее поручение, вкладывая весь свой опыт и силу мысли в дело должной организации “луговодческих” работ И. К. При этом я должен быть использован как специалист и мыслитель, но не как непосредственный организатор — администратор, на что у меня не хватит сил и к чему нет склонности.

Работа непосредственно в И. К. не может исключить моих поездок в Ср. Азию и прочих выше упомянутых работ; помимо них я максимум времени и сил уделю Институту.

Настаиваю на проведении методологических работ (4000–6000 руб.).

4. Если я не нужен для общего направления луговодческих работ Института, но И. К. доверяет мне как специалисту, то прошу дать мне возможность всецело сосредоточиться на работах в Средней Азии, отвлекаясь от них лишь на окончание ЦЧО и Волги-Дона-Днепра.

Налажу обработку материалов и завершение работ в Туркмении, буду развивать работы И. К. в Средней Азии и Казахстане.

5. Работу в И. К. я не мыслю без опоры на партячейку и коллектив непосредственных работников — молодежи. Нормально я должен сблизиться с партией и, в конечном счете, в нее войти. Недаром партия и наша ячейка призывает в свои ряды “всех честных специалистов”. Я сделал в ноябре соответственное заявление.¹³ Однако молчание ячейки заставляет меня предполагать, что я в ее глазах не отношусь к категории “честных специалистов”. Буду благодарен, если ячейка выскажется по этому вопросу (прошу передать ей эту просьбу).

Продуктивно работать можно только в атмосфере доверия».

¹⁰ http://ru.wikipedia.org/wiki/Чистка_партийных_рядов

¹¹ Николай Степанович Конюшков работал в Институте кормов с 1924 по 1969 г. Его воспоминания хранятся в музее ВНИИ кормов.

¹² РГАЭ. Ф. 32. Оп. 1. Ед. 157. Л. 33–49.

¹³ Вероятно, речь идет о заявлении Л. Г. о его намерении вступить в партию (ВКП(б)), в которую, как это указано в «личном листке по учету кадров», хранящемся в архиве ВНИИ кормов, он был принят лишь в 1944 г.

Обстановка, в которой жил Л. Г., и после чисток продолжала оставаться напряженной. В 1932 г. по обвинению в антисоветской деятельности был арестован его товарищ Владимир Юрьевич Войтонис, с которым он вместе работал на Павловской сельскохозяйственной станции в Воронежской обл. В Институте кормов В. Ю. Войтонис занимался селекцией кормовых культур, а его жена, Елена Ивановна, была геоботаником в экспедиционной группе Л. Г. Как рассказывает дочь Войтонисов Анна Владимировна, ее отец вырвался из тюрьмы лишь благодаря помощи народного комиссара юстиции РСФСР Н. В. Крыленко, который был близким другом брата ее отца, Николая Юрьевича Войтониса — известного советского этолога и психолога. Н. В. Крыленко посоветовал семье Войтонис уехать подальше от Москвы, что они незамедлительно и сделали: переехали в Омск, а затем на расположенную в глуши недавно организованную Хакасскую опытно-мелиоративную станцию.

Можно предполагать, что чистки, аресты знакомых, обвиненных в контрреволюционной деятельности или шпионаже, настороженное отношение к нему местной партийной организации, официальные заявления об обострении классово-борьбы заставили Л. Г. задуматься о том, что надо заслужить благосклонность советской власти, проявив себя в деле, которое ярко и демонстративно укладывалось бы в русло господствующей идеологии и актуальных лозунгов. Это позволило бы создать «запас прочности» безопасного существования и возможность ему, классово чуждому по происхождению элементу, заниматься любимой научной работой.

Таким делом стала разработка методики комплексного почвенно-геоботанического исследования земель и их картирования силами малограмотных колхозников. Изначально разработка этой методики базировалась на опыте, проводившемся в колхозах Московской обл. в 1935–1936 гг., в котором принимали участие 19 колхозников в возрасте от 14 до 70 лет.

По результатам этой работы Л. Г. в конце 1936–начале 1937 г. подготовил статью для журнала «Советская ботаника». Содержание ее свидетельствует, что к этому времени Л. Г. хорошо овладел большевистской фразеологией, без использования которой такая публикация могла бы и не появиться. Приведем один абзац из ее вводной части: *«История по-*

ставила нас перед великой задачей уничтожения классов, устранения противоположности между городом и деревней, между трудом умственным и физическим. Одним из участков борьбы за разрешение этой грандиозной задачи является демократизация науки: не только выводы науки, но и научный метод, научное исследование должны стать достоянием широких масс трудящихся. Сама собою научная работа не делается достоянием масс, за это надо бороться, устраняя препятствия, унаследованные нами от свойственной капитализму кастовой замкнутости науки, наложившей глубокий отпечаток на содержание науки, ее метод и терминологию» (Раменский, 1937 : 11).

На рецензию рукопись этой статьи была отправлена Б. Н. Городкову¹⁴. Сама рецензия нам неизвестна, но сохранился ответ на нее — большое письмо,¹⁵ которое Л. Г. послал своему студенческому приятелю В. П. Савичу, бывшему в этот момент главным редактором журнала «Советская ботаника». В письме нет даты его написания, но, судя по тому, что в нем фигурирует фамилия директора Почвенного института им. В. В. Докучаева АН СССР¹⁶ Б. Б. Польшова, давшего отзыв на книгу Л. Г., оно написано не позже середины 1937 г. В мае Б. Б. Польшов был арестован с типичным для этого года обвинением в том, что он является агентом иностранной разведки.¹⁷ После такого события эта фамилия, конечно, в послании В. П. Савичу не упоминалась бы.

Из письма видно, что основное замечание Б. Н. Городкова к рукописи сводилось к его несогласию с рекомендацией колхозникам пользоваться определителем растений, составленным на основе вегетативных признаков. Дополнительно к предложенному Л. Г. определению облия растений по проективному покрытию рецензент советовал применять шкалу облия Друде. Л. Г. в категорической форме возражал Б. Н. Городкову.

Но письмо Л. Г. по своему содержанию далеко выходило за рамки ответа рецензенту. С одной стороны, по нашему мнению, оно выдает рефлексии автора, связанные со статьей, которая не имеет научной ценности. С другой — это исповедь близкому другу, в которой звучат жалобы на непонимание его работ и низкую их оценку отечественными геоботаниками. Мы процитируем отрывки этого письма, исключив из него детали, относящиеся к конкретным ответам рецензенту, которые, на наш взгляд, не имеют принципиального значения.

«Дорогой Всеволод Павлович, благодарю Вас за извещение о судьбе присланной мною рукописи — о колхозниках — исследователях территории. Не посетуйте на длинное письмо, — пишу в нём о вещах серьёзных, прошу Вас прочесть — и подумать.

.....
II. О вещах более принципиальных и не простых.¹⁸

Всеволод Павлович, Вы знаете меня давно. Похож ли я на честолюбца, стремящегося высколотить с «новым словом», подыграть к моменту, снискать лёгкие лавры ... или на человека невежественного и легкомысленного, не понимающего, что такое наука? Не казалось ли Вам, наоборот, странным, что я не проявляю активности, не печатаюсь, не выдвигаюсь в 1-е

¹⁴ Борис Николаевич Городков (1890–1953) — геоботаник, почвовед, географ, исследователь тундры и арктических пустынь; с 1920 г. и до конца жизни работал в Ботаническом институте им. В. Л. Комарова АН СССР.

¹⁵ Архив БИН РАН. Ф. 237. Оп. 23. Ед. хр. 234.

¹⁶ В 1961 г. институт был передан из структуры АН СССР в состав ВАСХНИЛ (http://ru.wikipedia.org/wiki/Почвенный_институт).

¹⁷ http://ru.wikipedia.org/wiki/Польшов,_Борис_Борисович

¹⁸ Подчеркивания здесь и далее сделаны рукой Л. Г. Раменского.

ряды, — несмотря на мои неплохие, незаурядные задатки, которые вначале заставляли много от меня ждать? И почему-то я ряд лет состою в научных рядах на ампула некоего чудака, который всё что-то изобретает ... сверхмудрое, такое, которое “нам ни к чему”, от которого лучше держаться в сторонке (и в сторонке держать молодёжь). Напомню Вам (для примера), что до Октября таким чудачком был и академик Вильямс.

Так вот, имейте в виду:

1) Гонись я за легкими лаврами — давно бы их имел (тут нет самообольщения, а лишь сознание своей силы, утверждённое долготлетним опытом).

2) Вместо того чтобы отдаться течению, работать “как все”, писать “интересные труды” и т. д., я доверился своей мысли, — и она сразу повела меня по путям нехоженым; чем дальше в лес — тем больше дров, мой отход от шаблонов становился всё глубже (а началось ещё с 1-й экскурсии с Вами — помните?).

3) Все годы я работал более или менее интенсивно — в осуществлении своей линии; обычно я вёл эту работу полулегально (“попутно” при выполнении других заданий) и нелегально,¹⁹ на гроши и почти без людей. Вёл упорно, при всяких обстоятельствах, иногда против своих житейских интересов. Моя внешняя неактивность, то, что я почти не печатаюсь, является следствием 3 обстоятельств:

а) Нужно было развить исходные положения, накопить материал — чтобы выступить вооруженно, не с одними декларациями. Если Вы просмотрите мою статью в “Почвоведении”,²⁰ Вы почувствуете, что в ней отражено наличие значительных фактических материалов.

б) Болезненное недоверие к себе (помните, каким я был полунутьником?) и слишком строгое отношение к научной обоснованности, более строгое, чем, увы, у многих коллег.

в) Мне фактически зажимают рот: моя основная работа²¹ до сих пор не печатается ... по разным совершенно внешним и случайным обстоятельствам (сейчас потому, что Институт кормов вышел из состава ВАСХНИЛ). Это обстоятельство принесло мне много горечи; идти по стопам Лузина²² не хотел (2 моих работы были в своё время переведены и напечатаны в заграничных изданиях — по инициативе заграничных учёных, печататься там я могу).²³ Началось, как Вы знаете, с большой провокации со стороны БИНа (провокации не по сознательным мотивам, а de facto).²⁴

4) Сейчас время подошло: я обязан приложить все усилия для реализации достигнутого и к широкой постановке работ на путях, на которые я встал. Я убеждён в плодотворности этих путей и в том, что это то, что сейчас надо.

Обращаюсь к Вам не как к старому товарищу (это сейчас не может быть решающим), но как к человеку с чёткой ясной мыслью и как к партийцу; так как в моём понимании партиец — это человек, работающий во имя будущего, чтобы сделать его настоящим; человек, чувствующий себя ответственным перед этим будущим. В этом аспекте и прошу Вас продумать моё дальнейшее изложение (сам я сознаю себя в некоторых основных отношениях партийцем не меньше чем официально-партийным; я всегда жил для будущего).

1. Считаете ли Вы, что наука и научная работа в эпоху социализма — коммунизма будут такими же приблизительно, как и сейчас — или они будут существенно иными? (говорю в смысле постановки методов, контингента работающих).

2. Считаете ли Вы, что наши коллеги, в том числе и наиболее уважаемые, являются деятелями, подлинно реформирующими науку, делая её и постановку исследовательских работ на 100 % советскими и социалистическими? Если нет или не вполне, то не является ли таким деятелем академик Т. Д. Лысенко (несмотря на его увлечения и несолидность)? Я делаю лишь намёки — возможно, эти вопросы давно и глубоко Вами продуманы.²⁵

3. Не замечали ли Вы, что мысль, в том числе и научная, имеет свою инерцию, что традиции и привычки имеют в науке такое же значение, как и в практической жизни; что старое борется с новым иногда не потому, что оно (старое) хорошо, а потому что новое ломает навыки, мысли, аннулирует то, с чем люди сжились и т. д.

¹⁹ М. И. Ненароков — ученик Л. Г., работавший вместе с ним на Павловской с.-х. станции, рассказывал, что Л. Г., увлеченный изучением естественных лугов и методологическими исследованиями, забрасывал другие плановые работы. В результате в течение нескольких лет опыты с посевами с.-х. культур на станции списывали под предлогом их выгорания или уничтожения саранчой.

²⁰ Раменский, 1936.

²¹ Предположительно речь идет о книге Л. Г. Раменского (1938).

²² Советский математик, академик АН СССР Н. Н. Лузин в 30-х годах подвергся гонениям, как со стороны власти, так и значительной части советского математического сообщества. Среди различного рода «грехов», приписываемых ему, было и обвинение в том, что он публикует свои научные работы в заграничных журналах (http://ru.wikipedia.org/wiki/Лузин,_Николай_Николаевич).

²³ В начале 30-х годов за рубежом вышли две статьи Л. Г. (Ramensky, 1930, 1932), которые являлись переводом его ранее изданных на русском языке работ (Раменский, 1929а, б). Переводчики первой статьи (Selma и Hans Ruoff) слово «упорядочивание», относящееся к спискам растительности, перевели на немецкий язык словом «Ordnung». D. W. Goodall (1954) со ссылкой на этот термин из статьи Л. Г. в своей англоязычной работе образовал от него слово «ordination» — для обозначения упорядочивания единиц классификации растительных сообществ. Теперь термин «ординация» широко используется для обозначения упорядочивания как растительных сообществ, так и отдельных видов растений вдоль осей каких-либо факторов среды.

С оглядкой на судьбу Н. Н. Лузина, Л. Г. более не делал попыток публиковать свои работы за пределами СССР.

²⁴ Что подразумевает Л. Г. под «провокацией», установить не удалось.

²⁵ Из осторожности вопрос о деятельности академика Т. Д. Лысенко Л. Г. сформулировал так, что невозможно однозначно понять: одобряет ли он ее или нет; скорее — нет, так как, если бы оценка была бы положительна, то такой неопределенности в этом вопросе не было бы.

После этого предисловия перехожу к существу дела:

4. Я утверждаю, что геоботаника находится в СССР (как и за границей) на невысоком методическом уровне и не соответствует требованиям социалистического строительства. Основные дефекты:

а) Нет должного внимания к различению растений в любых фазах их развития. В результате — записи растительных группировок, т. е. первичный, исходный материал геоботаники, неполны и дают часто искажённое представление о составе растительности.

б) Несовершенство списков и учётов усугубляется субъективностью и несовершенством методики оценки количеств растений (Друде с его модификациями, мелкие весовые пробы и т. д.).

Итак, уже исходный фактический материал нечист, нехорош.

в) Более принципиальное значение имеет трактовка растительности в большем или меньшем отрыве от природных и культурных условий, её определяющих. Это ясно сказывается в геоботанических классификациях (м. б. не во всех). В такой трактовке проявляется привычная функционалка, прикрываемая высоким методологическим принципом (см. дискуссию о геоботаническом районировании).²⁶ Производство требует научно обоснованной перспективной характеристики земель, исходящей из синтеза показателей — ботанических, почвенных и т. д. в их взаимной связи. Вместо этого целого мы преподносим отдельные части, плохо, а часто и вовсе не увязанные друг с другом (почвы, растительность, условия залегания, культурная история и т. д.). Этим очень облегчается ответственность специалистов: каждый свой фрагмент изучил и даёт, а за целое (нужное хозяину) не отвечает никто. О комплексности мы много говорим, но об истинной, синтетической, органически увязанной комплексности не очень-то заботимся — без неё легче, удобнее. Комплексность подменяется агрегатностью.

г) Унаследованный от давнего метафизического мышления подход в области классификации растительных группировок, подход поверхностный и формальный (выделение ассоциации по 1–3 преобладающим растениям и проч.).

д) Методика работ, полевых и камеральных, вполне соответствует буржуазной кастовой постановке науки — она субъективна, включает много черт искусства, дающего ± хорошие результаты лишь в руках более опытных и одарённых людей, широкой массовой постановки работ не обеспечивающая.

Я готов конкретно обосновывать каждое из приведённых положений.

Моя работа над повышением методического уровня геоботаники началась фактически с 1909 г. Моментами этой работы были:

а) Проективный учёт (с 1909 г.). В настоящее время мы неплохо увязали проекцию с весом. Шлю Вам мой отчёт по этой работе, в скором времени пришлю статью.

б) Изучение вегетативных признаков растений (начато с 1917 г.). Сейчас переиздаю 1-й том²⁷ определителя и готовлю 2-й том.²⁸

в) Раздельная запись почв (с 1915 г.).²⁹

г) Принципиально новый метод систематизации списков растительности, почвенных разрезов и т. д. — на основе «функционального среднего» (см. мою статью 1929–30³⁰ и отчасти статью в «Почвоведении»³¹). На основе его применения — переход от формалистических классификаций с их условными иерархиями к системам закономерных рядов — шкал. Растительность становится мерилем условий местообитания. Начало методу было положено в 1928 г.; последующие годы шло его развитие и обоснование (широкой практикой и специальными испытаниями). Прочитайте в конце моей статьи в «Почвоведении» указания на принципиальное значение и широкую применимость метода: это большой вексель!

.....

8. Мне вежливо кланяются, признавая мои таланты, но старательно делают фигуру умолчания и закрывают двери, а где возможно и кивают головой, приписывая мне и субъективизм, и механицизм и еще какие угодно пороки. Дело прошлое: все новое становится поперек старому, нарушает привычный уют. Начал я с иллюзии о всепобеждающей истине, побеждающей сама собою, так сказать, самотеком. Жизнь научила понимать, что не сознание определяет бытие, а бытие — сознание; это, увы, верно и в науке; и здесь ничего не достигнешь без борьбы, без разрушения всякой гнили. Сталин хорошо сказал о том, что замалчивание — тоже метод критики, — я сразу подумал о себе, прочитав его слова. Я утверждаю, что мои начинания встречают систематическое недоброжелательство и саботаж. Для примера:

— Отчего не получила отклика поднятая мною работа по изучению признаков растений в нецветущем состоянии? Или это не нужно геоботаникам? По настоящему, БИН должен был взять это дело в свои руки, использовав меня, Веру Михайловну³² и других, кто проявили активность в этой области. Я ставил вопрос об этом, но ответа не получил, возок и ныне там, работа идет от случая к случаю, партизански.

²⁶ Дискуссия о геоботаническом районировании состоялась в БИНе в марте 1935 г.

²⁷ Раменский, Флорова, 1937.

²⁸ Второй том не был опубликован.

²⁹ Л. Г. считал, что прежде чем выделять почвенные горизонты, следует сделать анализ изменения морфологических признаков почвы независимо друг от друга по всему ее профилю.

³⁰ Раменский, 1929а; Ramensky, 1930.

³¹ Раменский, 1936.

³² Вера Михайловна Флорова — жена Л. Г. и соавтор определителей растений по вегетативным признакам.

– Сукачев одобрил (в свое время), похвалил проективный учет; потом ... ни одной работы, серьезно проверяющей и развивающей методичку. Это случайно или под влиянием “старших”? Было усердное замалчивание и кулуарные разговоры — “тоже критика” (вроде Дохман).³³ Оно и понятно: проекция — вещь ответственная, а Друде и т. д. — по сути дела бесконтрольное, безответственное занятие; проще и удобнее, и переучиваться не надо.

– Почему замалчивается то обстоятельство, что я боролся с антропоморфизмом, “фитосоциологией” и вводил у нас самый термин “ценоз” тогда, когда еще далеко было до вмешательства Партии³⁴ в эти дела (в 1924 г.). В этой моей статье (1924 г.)³⁵ было много мыслей, которые отнюдь не устарели и по сей час, была, правда, и известная неравномерность трактовки*.

– Я уж не говорю о методе систематизации (1929 г.)³⁶, тоже, почему-то, похваленном Сукачевым. Его разработка должна была быть и была моим делом; но та моя статья тоже как в колодезь упала.

9. Итоги: мне пора выйти из своей изоляции, начать серьезно печататься (основная моя работа проредактирована и готова к набору — лежит!),³⁷ перейти из Института кормов в учреждение, где мои работы будут не привеском, а частью основной программы учреждения (в И. К. я чувствую себя все более ложно), получить руководство над работоспособным коллективом сотрудников, вернуться к преподаванию в ВУЗе. Осуществимо ли это? — Сейчас даже нет института, синтетически подходящего к территории (НИИОТ³⁸ стал чисто, узко землеустроительным), а я не только ботаник и не почвовед, а, своего рода, амфибия. Нужно ли это направление в системе Академии наук? Полюнов, давая отзыв на мою работу, правдиво сказал, что Академия наук не ведет работы по методике комплексных исследований. И не должна вести?

Напоминаю Вам тезисы относительно типологии, напечатанные в «Советской ботанике» в 1935 г.³⁹ Нужна ли комплексная типология, надо ли ее строить? Думаю, да.

Словом, подумайте и решите, следует ли мне помочь в моей линии теми средствами, которыми Вы располагаете. Про себя я считаю, что имею сейчас право требовать нормальной — серьезной постановки начатых работ.

Охотно бы приехал в Ленинград с материалами и докладами (о колхозниках и прочее) — и для обстоятельной с Вами беседы.

Ваш Л. Раменский.

*Сукачев и другие меня замалчивают, Ревердатто вспоминает, говоря пустяки, в своей исключительно слабой книжке-руководстве,⁴⁰ книжке, от которой очень мало останется, если к ней серьезно подойти (это легко показать)».

Рукопись статьи, которая послужила поводом для письма В. П. Савичу, была опубликована в журнале «Советская ботаника» № 3 за 1937 г. (Раменский, 1937). Она была помещена сразу же за редакционной статьей «Шпионам и изменникам родины нет и не будет пощады», посвященной «разоблачению» и расстрелу видных советских военачальников: Тухачевского, Уборевича, Якира, Корка, Фельдмана, Эйдемана, Примакова, Путны. Заключительные строки этой отнюдь не ботанической публикации соседствуют со статьей Л. Г. (рис. 3). Определенную логику, хотя и примитивную, в таком размещении можно усмотреть: в любой области у советской власти найдутся кадровые резервы.

Похоже, что публикация этой статьи была одобрена руководством Института кормов и ее партячейкой. Работа в этом направлении была также поддержана Советом по изучению производитель-

ных сил (СОПС) АН СССР, который финансировал возобновление эксперимента в 1938 г. По его результатам был подготовлен отчет, в котором были обобщены результаты трехлетних исследований (1935, 1936, 1938 гг.)⁴¹.

Приведу несколько отрывков из этого труда, которые больше свидетельствуют о его курьезности, чем о какой-либо научности.

«Вначале предполагалась организация курсов в два срока (в каждой МТС⁴² отдельно) по 40–50 человек. Но по приезде в район выяснилась совершенная невозможность сбора такого количества людей. Всего в два срока с большим трудом было собрано 20 колхозников; из них двое были инвалиды (один без ноги, другой нервно больной), двое не окончили курсов».

«Несмотря на разъяснительную работу (м. б. недостаточную), масса колхозников не проявила должной сознательности. Колхозники-исследова-

³³ Генриетта Исааковна Дохман (1897–1987) — советский геоботаник, профессор МГУ.

³⁴ Идеологизация всех сфер жизни привела к тому, что в 30-х годах термину «фитосоциология» стали приписывать антропоморфизм, что объяснялось вредным влиянием «буржуазной» науки (Ипатов, Кирикова, 1997).

³⁵ Раменский, 1924.

³⁶ Раменский, 1929а.

³⁷ Раменский, 1938.

³⁸ НИИОТ — Научно-исследовательский институт организации территории.

³⁹ Раменский, 1935.

⁴⁰ Ревердатто, 1935.

⁴¹ Отчет бригады СОПС АН СССР под редакцией д-ра биологических наук Л. Г. Раменского. «Опыт детального и полудетального комплексного исследования и качественно-количественного учета земель силами колхозного актива и учащихся» // РГАЭ. Ф. 32. Оп. 2. Ед. хр. 816. Л. 1–126.

⁴² МТС — машинно-тракторная станция — государственное сельскохозяйственное предприятие, обеспечивавшее в СССР техническую помощь колхозам и совхозам.

тели работали, как правило, достаточно напряженно, но их односельчане зачастую смотрели на исследование как на праздное дело, на исследование — почти как на лодырей. Такие настроения отчасти были связаны с дефицитностью рабочих рук, — положение в этом отношении во всех колхозах было напряженным. Как бы то ни было, самочувствие наших исследователей, по понятным причинам, не всегда было на высоте; в с. Трехденеве дошло до того, что первоначально выделенные очень неплохие работники не выдержали недоброжелательной атмосферы и ушли с исследования».

«Наиболее успешно усваивали занятия на курсах и проводили обследования в колхозах колхозники, крепко связанные с землей. Это приходится подчеркивать, так как в Волоколамском районе большая часть мужского населения работает на фабриках района или уезжает из района и отрывается от колхозного хозяйства. У нас было два таких колхозника, с которыми очень трудно было работать. Когда начался сезон выделки валенок, они просто бросили работу и ушли на производство».

«Наряду с положительным опытом мы изучили также и достаточно примеров в различной мере отрицательных. Они никогда не определялись тупостью, неспособностью работников, но всегда их легкомысленным отношением к работе. Таков был в 1935 г. четырнадцатилетний Г.: он просто баловался на работе, записывая, даже толком не посмотрев, что ему вздумается (например, он писал произвольные цифры уклонов местности, в точках почвенных разрезах, не глядя в эклиметр). Немудрено, что количество неудовлетворительных почвенных описаний достигло у него 20 %. В 1936 г. М. работала в общем удовлетворительно, но чрезвычайно схематизировала, упрощала почвенные описания. З. вообще пришла на «легкую работу», выходила в поле очень поздно и всячески манкировала, ее чрезвычайно смущала необходимость возвращаться в деревню с рюкзаком за плечами».

В предисловии цитируемого отчета Л. Г., отвечая анонимным оппонентам, пишет: «Пришлось, правда, слышать мнение, что применяться к уровню колхозных масс нечего, что надо смотреть вперед, иметь в виду быстрый рост культурности деревни и писать как для интеллигенции. На практике эта установка приводит к отрыву от масс, столь резко осужденному вождями партии. В лучшем случае левацкий загиб, в худшем — маневр врага». В срав-

нении с введением опубликованной в 1937 г. статьи, риторика Л. Г. стала более агрессивной.

Давая оценку проведенному Л. Г. эксперименту, мы думаем, что все-таки, вопреки написанному В. П. Савичу, он «подыгрывает к моменту». Однако нельзя отделаться от возникающих вопросов. Насколько осознан был самим Л. Г. его конформизм? Была ли эта позиция выбрана из чистого расчета или у него было и искреннее желание чем-то помочь советской власти из идеологических соображений? На эти вопросы, кажется, ответить будет уже невозможно. Надо лишь иметь в виду, что в условиях тоталитарного режима идеологические установки просто «вбивались» в головы людей. В отсутствии такого средства, как современное телевидение, использовались другие способы

родине. В нашей стране за истекшие годы выросли и воспитались новые замечательные кадры талантливых людей. Троцкистско-бухаринская сволочь, пробравшись к руководству некоторыми участками, всячески оттирала эту талантливую, верную партии молодежь, не давала ей ходу. Надо смелее двинуть вперед эти молодые кадры и создать на каждом заводе, фабрике, в учреждении такую обстановку, при которой ни один фашистский агент не мог бы остаться незамеченным.

Враг раскрыт. Его методы разоблачены. Его гнусный план сорван. Все более повышая большевистскую бдительность, крепко сплоченная вокруг Центрального Комитета и товарища Сталина, наша партия перешагнет через все препятствия, которые пытались и еще будут пытаться создавать на нашем пути троцкистско-зиновьевские и бухаринские бандиты, все агенты фашизма, действующие по заданиям Гестапо, все тухачевские, гамарники и им подобные. Советский народ под руководством партии Ленина — Сталина пойдет к новым победам по пути к коммунизму.

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОТВЕТСТВЕННОЙ ГЕОБОТАНИЧЕСКОЙ РАБОТЫ И ПОСТАНОВКИ ГЕОБОТАНИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ СИЛАМИ КОЛХОЗНИКОВ, УЧИТЕЛЕЙ, КРАЕВЕДОВ И ДРУГИХ МЕСТНЫХ РАБОТНИКОВ¹

Л. Г. Раменский

1. Требования общего характера ко всякой геоботанической работе. Геоботаник, является ли он специалистом в этой области, либо любителем, в том числе и геоботаник-колхозник, должен все время помнить об ответственности его исследовательской работы: 1) он отвечает за правильность видового списка каждой растительной группировки и за оценку общего урожая и его количественного состава (обилие компонентов и их запасы на единицу площади); 2) работа геоботаника должна не только характеризовать территорию и ее растительную продукцию в момент исследования: хозяйство требует производственно-перспективных суждений о территории, выявления ее потребностей в определенных режимах использования и улучшениях, вероятной эффективности мелиоративных мероприятий и т. д. Эти требования приводят

¹ В настоящей статье отражены: многолетний опыт автора и его учеников и сотрудников, ряд специальных работ по методике геоботанических исследований, проведенных ими, в частности, в 1935 и 1936 гг., и двухлетний опыт постановки комплексного исследования территории силами колхозников (1935 и 1936). Этот опыт был проведен в 6 колхозах Московской обл., в нем участвовало более 15 колхозников в возрасте от 14 до 70 лет и от элементарно грамотных до окончивших семилетку.

Рис. 3. Первая страница статьи Л. Г. Раменского, следующая за передовицей «Шпионам и изменникам родины нет и не будет пощады» в журнале «Советская ботаника» № 3 за 1937 г.

The first page of L. G. Ramensky paper following the editorial «To spies and traitors of the Motherland there will be no mercy now and in the future» in the journal «Sovetskaya botanika», 1937. № 3.

воздействия на человеческое сознание. Одними из них были различные формы так называемого «политпросвещения», имевшие, как правило, обязательный характер. К высшему звену этой системы политического образования относились марксист-

ско-ленинские университеты, в одном из которых Л. Г. учился в 1935–1936 гг.

И тут интересно вернуться к воспоминаниям Н. С. Конюшкова:

«Сотрудники Института кормов были слушателями Марксистско-Ленинского университета. Учеба продолжалась два года. При окончании университета каждому слушателю было дано дипломное задание — доклад на определенную тему.

Все мы, используя труды Ленина, Сталина и ученых-марксистов, благополучно справились с заданием и получили дипломы об окончании университета. Не так получилось у Леонтия Григорьевича. Он был широко эрудирован в различных философских учениях и имел свою собственную точку зрения на те или иные из них. И в своем докладе он подробно изложил свои взгляды на свое дипломное задание. Я не помню тему его доклада, но должен сказать, что слушали мы его с интересом. Когда Леонтий Григорьевич вместе с нами пришел за дипломом, его ему не дали, сказав, что он не справился с заданием. Я так и не знаю — получил ли он его в дальнейшем».

Вот и таким образом, кроме репрессий и их угрозы, система корректировала мировоззрение людей.

Выше мы обратили внимание на политизированную фразеологию, которую использовал Л. Г., защищая или обосновывая свое мнение. Но такой стиль аргументации в 30-е годы, по крайней мере в биологии, стал почти нормой. Не чурался ее и В. Н. Сукачев — официально признанный лидер советской школы геоботаники. Вот для примера отрывок из его доклада в дискуссии на тему «Что такое фитоценоз?», состоявшейся в марте 1934 г. в Ботаническом институте АН СССР: «Однако в своей теоретической части наша фитоценология отразила общий характер буржуазной науки периода загнивания капитализма с ее механицизмом и идеализмом и привела к социологизации растительных группировок (сообществ), к популяризации термина “фитосоциология” и к известному отрыву теории фитоценологии от запросов практики ... Вместе с тем эта точка зрения давала реакционным естествоиспытателям возможность, перенося законы, управляющие жизнью человеческого общества, в растительное сообщество и обратно, делать заключение о тождественности и неизбежности борьбы за существование во всем органическом мире, о сведении к ней классовой борьбы и об оправдании угнетения одних классов общества другими» (Сукачев, 1975 : 281).

В заключение можно выразить сожаление, что ум, энергия и время Л. Г. были затрачены на разработку методики обучения малограмотных крестьян такому серьезному предмету, которым является комплексное почвенно-геоботаническое обследование и картирование земель. Никакого практического или научного значения этот проект не имел. Поэтому на опубликованную Л. Г. в 1937 г. работу никто никогда не ссылался. Но надо иметь в виду, что обстановка в Стране Советов в 30-е годы была такова, что существовала большая вероятность для «бывшего миллионера» попасть под каток репрессий. Сознательное «подыгрывание» большевистскому режиму или искреннее желание помочь советской власти в революционном преобразовании сельского хозяйства, возможно, позволило Л. Г. избежать репрессий и решать действительно научные и практически важные задачи. В эти годы под методическим руководством Л. Г. была осуществлена грандиозная по своим масштабам инвентаризация природных кормовых угодий СССР,

сформулированы представления об экологических стратегиях растений (Раменский, 1935), написана монументальная монография (Раменский, 1938), положившая начало развития учения о морфологии ландшафта.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает благодарность за помощь в сборе материалов о жизни и деятельности Л. Г. Раменского работникам ВНИИ кормов Н. Ф. Пастушенко, Ю. М. Ненарокову, А. А. Лавровой, Е. П. Яковлевой, профессору Красноярского гос. педагогического университета Е. М. Антиповой, сотруднику Зоологического института РАН Н. В. Голуб, профессору Плимутского университета М. Кенту (M. Kent), приват-доценту Бременского университета М. Изерманн (M. Isermann), а также А. В. Войтонис и Т. И. Лесницкой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Голуб В. Б. 2013а. Штрихи к биографии Л. Г. Раменского (Дополнения и комментарии к письму В. П. Савича Т. А. Работнову) // Растительность России. № 23. С. 104–114.
- Голуб В. Б. 2013б. Л. Г. Раменский. Факты биографии // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. Т. 22. № 4. С. 210–214.
- Голуб В. Б., Николаичук Л. Ф. 2012. Эпистолярное наследие Л. Г. Раменского в личном архиве В. Л. Комарова // Самарская Лука: бюллетень. Т. 21. № 3. С. 175–187.
- Ипатов В. С., Кирикова Л. А. 1997. Фитоценология. СПб. 316 с.
- Раменский Л. Г. 1924. Основные закономерности растительного покрова и их изучение (На основании геоботанических исследований в Воронежской губ.) // Вестн. опытного дела, январь—декабрь 1924 г. Воронеж. С. 37–73.
- Раменский Л. Г. 1929а. К методике сравнительной обработки и систематизации списков растительности и других объектов, определяемых несколькими несходно действующими факторами // Тр. совещ. геоботаников-луговедов, созданного Гос. Луговым инст. 15–20 янв. 1928 г. в Ленинграде. С. 11–36.
- Раменский Л. Г. 1929б. Проективный учет и описание растительности. М. 55 с.
- Раменский Л. Г. 1930. Краткий очерк лугов верхней части Волго-Ахтубинской поймы и их сопоставление с лугами дельты Волги. Рукопись // РГАЭ. Ф. 32. Оп. 2. Ед. хр. 696. Л. С. 1–62.

- Раменский Л. Г. 1935. О принципиальных установках, основных понятиях и терминах производственной типологии земель, геоботаники и экологии // Советская ботаника. № 4. С. 25–42.
- Раменский Л. Г. 1936. Принципиальные и методические предпосылки комплексного почвенно-геоботанического исследования земель // Почвоведение. № 5 С. 693–718.
- Раменский Л. Г. 1937. Методические предпосылки ответственной геоботанической работы и постановки геоботанических исследований силами колхозников, учителей, краеведов и других местных работников // Советская ботаника. № 3. С. 10–20.
- Раменский Л. Г. 1938. Введение в комплексное почвенно-геоботаническое исследование земель. М. 620 с.
- Раменский Л. Г., Флорова В. М. 1932. Определитель растений в нецветущем состоянии для средней части СССР. М. Т. 1. 256 с.
- Раменский Л. Г., Флорова В. М. 1937. Определитель растений в нецветущем состоянии для средней части СССР. 2-е изд. Т. 1. 431 с.
- Ревердатто В. В. 1935. Введение в фитоценологию. Ч. 1. Лекции, читанные в Томском гос. ун-те в 1933–1935 гг. Томск. 98 с.
- Сукачев В. Н. 1975. Что такое фитоценоз? // Избранные труды. Проблемы фитоценологии. Т. 3. Л. С. 279–292.
- Goodall D. W. 1954. Vegetational classification and vegetational continua // *Angewandte Pflanzensoz. Wien*. Vol. 1. Festschrift Aichinger. P. 168–182.
- Ramensky L. G. 1930. Zur Methodik der vergleichenden Bearbeitung und Ordnung von Pflanzenlisten und anderen Objecten, die durch mehrere, verschiedenartig wirkende Faktoren bestimmt werden // *Beiträge zur Biologie der Pflanzen*. Breslau. Bd. 18. H. 2. S. 269–304.
- Ramensky L. G. 1932. Die Projektionsaufnahme und Beschreibung der Pflanzendecke // *Abderhalden E. (Hrsg.) Handbuch der biologischen Arbeitsmethoden*. Abt. XI. Bd. 6. S. 137–190.

Интернет-ресурсы

Библиотека исторической информации. URL: <http://libinfo.org/index/index.php?id=6720> (дата обращения 10.02.2014).

Сайт Всероссийского научно-исследовательского института кормов (ВНИИ кормов) URL: <http://www.vniikormov.ru/> (дата обращения 11.02.2014).

Русскоязычный раздел энциклопедии Википедия URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Лузин,_Николай_Николаевич (дата обращения 12.02.2014).

Русскоязычный раздел энциклопедии Википедия URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Полынов,_Борис_Борисович (дата обращения 12.02.2014).

Русскоязычный раздел энциклопедии Википедия URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Чистка_партийных_рядов (дата обращения 12.02.2014).

Получено 21 мая 2014 г.

SUMMARY

The paper presents some more archive data to the biography of the outstanding Russian scientist L. G. Ramensky (Голуб, Николайчук, 2012; Голуб, 2013а, б). Some facts of his personal life and working activities under the Soviet Union totalitarian regime in the 30th years of the XX century are given.

REFERENCES

- Golub V. B., Nikolaychuk L. F. 2012. Epistolary nasledie L. G. Ramenskogo v lichnom archive V. L. Komarova [L. G. Ramensky epistolary heritage in the personal archive of V. L. Komarov] // *Samarskaya Luka: bulletin*. Vol. 21. № 3. P. 175–187. (*In Russian*).
- Golub V. B. 2013a. Some details of the L. G. Ramensky biography (additions and comments to the letter by V. P. Savich to T. A. Rabotnov) // *Vegetation of Russia*. N 23. P. 104–114. (*In Russian*).
- Golub V. B. 2013b. L. G. Ramensky. Fakty biografii [L. G. Ramensky. Biography facts] // *Samarskaya Luka: problemy regionalnoy i globalnoy ekologii*. Vol. 22. N 4. P. 210–214. (*In Russian*).